

Дружинин Андрей Владимирович,
к. теол, преподаватель кафедры общей
и русской церковной истории и канонического права,
ОЧУ ВО "Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет", г. Москва
Andrei Druzhinin, PhD, Lecturer in the Department
of Global and Russian Church History and Canon Law,
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow

**АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
ПОНЯТИЯ «ИСТИННОСТЬ ПРАВОВОЙ НОРМЫ»
В СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
CURRENT APPROACHES TO THE DEFINITION
OF THE CONCEPT "TRUTH OF THE LEGAL NORM"
IN MODERN TECHNICAL AND LEGAL RESEARCH**

Аннотация: в статье предлагается обзор технико-юридических подходов современных отечественных исследователей к определению понятия «истинность правовой нормы». Для этого последовательно рассматриваются вопросы о возможности её достижения, соотношение норм права с нормативно-правовыми актами и систем права и законодательства. Определяется, что основным антагонистом истинности норм права являются «правотворческие ошибки», предлагаются способы их предупреждения, выявления и исправления.

Abstract: the article offers an overview of the technical and legal approaches of modern domestic researchers to the definition of the concept of "truth of a legal norm". To do this, the issues of the possibility of achieving it, the correlation of the norms of law with normative legal acts and systems of law and legislation are consistently considered. It is determined that the main antagonist of the truth of the norms of law are "legislative errors", ways of their prevention, detection and correction are proposed.

Ключевые слова: истинность правовой нормы, эффективности норм права, правотворческие ошибки, юридическая техника.

Keywords: the truth of the legal norm, the effectiveness of the norms of law, law-making mistakes, legal technique.

Комплекс вопросов и проблем, предложенный для рассмотрения в настоящей статье, безусловно обладает актуальностью в контексте профессиональной деятельности юриста. Так, углубленность в изучении юридической техники и её приёмов становится незаменимым подспорьем для многих аспектов такой деятельности: экспертном, научно-исследовательском, правоприменительном, толковании нормативно-правовых актов. Тем не менее, на сегодняшний день ряд базовых понятий юридической техники постоянно уточняются, совершенствуется научно-справочный аппарат и методология технико-юридических приемов. Одним из ключевых для данной правовой дисциплины является понятие «истинности правовой нормы», рассматриваемое исследователями в различных контекстах. Стремление к «идеальной» правовой системе, максимальной эффективности правового регулирования характеризует человечество с первых веков зарождения правовых и политических учений, тем не менее, её достижение осложнено комплексной проблемой достижимости «истинных» правовых норм в правотворческой деятельности. Очевидно, что обилие накопленного материала по отдельным аспектам данной темы требует систематизации и анализа, в связи с чем целью статьи является комплексная на основе современной научной литературы характеристика понятия «истинность правовой нормы»: каковы критерии её апробации и способы достижения. В этой связи можно предложить следующую логику рассмотрения вопросов, соответствующих цели исследования:

- Рассмотреть дискурс о подходах к определению понятия «истинность правовой нормы»;

- Определить соотношение различных субъектов правотворческой деятельности: «норма права -нормативно-правовой акт», «система права – система законодательства»;
- Выявить способы недопущения и ликвидации правотворческих ошибок;
- Наконец, сформулировать многоаспектный подход к достижению истинности правовой нормы в юридической технике.

Согласно представленным целям, определяется структура дальнейшего изложения. Теоретической базой данного исследования выступают современные исследования отдельных аспектов описанной проблематики, представленных в трудах российских ученых (В.М. Баранов, А.М. Васильев, В.М. Сырых, В. В. Тихонова, А.Ф. Черданцев и др.), молодых исследователей (К.С. Ельцова) и учебной литературе.

С онтологических позиций искомую категорию осмыслял В.М. Баранов: «объективное свойство нормы права, выражающее меру способности ее содержания, проверяемую практикой, соответственно отражать в форме познавательно-оценочного образа тип, вид, уровень либо элемент развития прогрессивной человеческой деятельности» [2, с. 349]. В историографии проблемы можно увидеть немало оппонентов подобного подхода. Одним из широко представленных способов осмысления «истинности правовой нормы» в литературе выступает апелляция к самой возможности применения категорий «истинный» и «ложный» к эффективности норм права. Так, И.А. Соловьёвой отмечается, что «попытки применить к социальным нормам критерии истинности или ложности с самого начала встретили множество возражений» [12]. Одно из них исходит из невозможности следующих логических допущений:

«а) истинность нормы права зависит от законодателя, а следовательно, законодательным путем можно изменить истину;

б) истинность норм права зависит от состояния законности ;

- в) нормы, почему-либо не действующие, являются ложными;
- г) относительно одних и тех же фактов возможна и не одна истина;
- д) истина может быть неконкретной»[15, с. 103].

Очевидная невозможность таких допущений основывается на том, что в случае их принятия следует признать невозможность объективной истины, а наличие только истины относительной априори делает абсурдным постановку вопроса об объективности правовой нормы, в самом своём значении являющейся общеобязательной для всех. Подобный онтологический подход к применению категории истинности к правовым нормам разделялся еще со времен И. Канта [10, с. 458].

Иной подход к проблеме предлагал Г. Кельзен, разделявший собственно нормы права и комментарии к ним. Так, в случае комментариев, возможно оценить истинность или ложность суждения в соотношении с самой правовой нормой, в то время как к самой норме могут быть применены лишь понятия действующая и недействующая [12]. Развивая опосредованно подобный подход В.М. Сырых привносит ряд новых понятий, например, «теоретическая эффективность правовых норм» [13], а категорию истинности связывает с эффективностью нормы с точки зрения цели законодателя. Достижение такой эффективности по мнению автора можно считать правильностью нормы. Таким образом, правильность в этом контексте «означает соответствие определенному набору научных и методических правил составления законодательных текстов и определения конкретных требований и норм» [12].

Тем не менее, на наш взгляд для прямого использования такого подхода необходимо принять допущение о безошибочности законодателя, либо невозможности злоупотребления нормой права, что не соответствует объективной реальности. Таким образом, сама положительная формулировка понятия, заключающего оценку отношения правовой нормы к цели, преследуемой законодателем, может выражаться различными терминами (истинность, эффективность), однако, фокус этого понятия должен сводиться к

характеру воздействия, которое правовая норма оказывает на общественные отношения. В этом смысле истинностью можно считать такое свойство правовой нормы, которое соответствует целям правового устройства общества: верховенство закона на всей территории действия правовой нормы, взаимная ответственность субъектов общественных отношений, гарантии прав и свобод личности.

Соглашаясь с В.В. Тихоновой можно сказать, что дальнейшее рассмотрение проблемы требует «выявления тех условий, которые приводят к максимально полному и точному отражению в нормах социальных реалий и потребностей общественного развития» [14]. С этой целью следует рассмотреть следующим вопросом соотношение норм права с нормативно-правовыми актами. Учебная литература как правило предлагает следующее характеристику подобного соотношения:

«Норма права и статья нормативного акта не тождественны, они могут как совпадать, так и не совпадать. Норма права — это правило поведения, состоящее из гипотезы, диспозиции и санкции, а статья законодательного акта - форма выражения государственной воли, средство воплощения нормы права. Норма права, будучи содержанием, по-разному соотносится со статьей нормативного акта, выступающей в качестве ее формы»[8].

Исходя из подобных принципов можно охарактеризовать и соотношение системы российского права с системой российского законодательства как взаимосвязанных, но не тождественных понятий. В исследовательской литературе принят ряд оппозиций, характеризующих такое соотношение: форма и содержание, правовая абстракция и конкретный набор нормативно-правовых актов и т.д. [9] При этом критерии такого разделения можно определить по первичным элементам двух систем, их отношению к объективности, свойственным методам и предметам. Данное соотношение можно представить в виде таблицы (таблица 1) [Ср.: 6]:

Признаки разграничения системы права и системы законодательства

№	Признаки	Система права	Система законодательства
1	Первичные элементы	Норма права, состоящая из гипотезы, диспозиции и санкции	статья нормативно-правового акта с опциональной структурой
2	Объективация	Объективна в силу различных субъектов, составляющих общественные отношения	Субъективна в силу ряда факторов: воля законодателя, социально-экономические процессы
3	Методы и предметы	Предмет и метод правового регулирования обуславливает деление на институты	Предмет включает различные отношения, не имеют единого метода

По мнению К.С. Ельцовой учет подобных критериев способствует правильному соотношению «между системой права и системой законодательства для того, чтобы обеспечить доступность, сокращение ненужной множественности актов, сделать их согласованными и найти им правильное применение на практике» [6]. Иной взгляд на соотношение представлен А.М. Васильевым: «система права и система законодательства выражают один и тот же феномен - право, но с разных сторон - внутренней и внешней, отсюда их взаимообусловленности и общее социальное назначение» [4, с. 179]. В этой связи, исследователями отмечается необходимость дальнейшего изучения «соотношения системы права и системы источников права» именно как содержания и формы.

Что дают данные наблюдения в рамках ответа на наш основной вопрос? На наш взгляд, они позволяют подойти к анализу понятия «правотворческая ошибка» как антагониста эффективной правовой нормы. Рассмотренные соотношения являются для правовой нормы как источником, так и местом бытования. Таким образом, осознанное отношение к системе права и системе законодательства, включающих нормы права и нормативно правовые акты, позволяет более детально осмыслять вопрос истинности правовых норм в разрезе конкретного источника.

Так, нормы права образуют в рамках системы права определённую иерархию. Иерархичность должна учитываться при оценке эффективности применения правовых норм, т.к. посредством сопоставления норм различной юридической силы возможно выявление несоответствий, когда одна норма противоречит другой в рамках вертикального отношения. Таким образом, оценка непротиворечивости обязывающих положений правовых норм с точки зрения является одним из принципов избегания правотворческих ошибок.

Нормы права должны быть закреплены в нормативных актах, однако возникновение, миграция и оформление правовой нормы имеют свои, в некотором роде естественные законы. Одним из таких можно назвать существование объективных стадий генезиса правовых норм. В рамках данных стадий исключается влияние на систему права специальных субъектов, а также граждан или юридических лиц. Тем не менее очевидно, что на систему права воздействуют различные субъекты. В этой связи необходимым условием недопущения правотворческих ошибок является соблюдение стадий генезиса и верного взаимодействия системы права и различных субъектов. Так, согласно О.Е. Мешковой верный «процесс взаимодействия права и специального субъекта можно представить следующим образом: законодатель воздействует на оболочку права (его форму), то есть на систему источников права, которая в свою очередь трансформирует содержание (систему права). Но изменения в системе источников права ни коим образом не тождественны изменениям системы права, хотя бы потому, что удельный вес субъективности в этих образованиях различен» [9].

С учетом данных наблюдений, перейдём к рассмотрению собственно понятия «правотворческая ошибка» и скажем для начала, что ей не является. Правотворческую ошибку необходимо отделять от злонамеренного действия законодателя, «преследующего какие-либо корыстные цели» [16, с. 298]. Помимо этого, правотворческой ошибкой не является приводимая В.М. Барановым «научная ошибка», связанная, например, с «недостаточной

исследованностью правового явления на данном этапе развития юридической науки» [16, с. 298]. По своей сути научная ошибка имеет объективный независимый от правотворческого субъекта характер, то время как ошибка правотворчества связана с субъективными характеристиками законодателя (непрофессионализм). Таким образом, определение «правотворческой ошибки» можно сформулировать как непреднамеренное действие законодателя при проектировании и утверждении норм права, выполненное с нарушением принципов юридической техники и повлекшее коллизию законодательства. В.М. Барановым подобное определение формулируется более профессионально: «официально реализованное добросовестное заблуждение, результат направленных действий нормотворческого органа, нарушающих общие принципы либо конкретные нормы правообразования, не соответствующих уровню и закономерности государственно необходимого развития регулируемой деятельности и влекущих путем издания ложной нормы права неблагоприятные социальные и юридические последствия» [1].

Негативное воздействие правотворческих ошибок выражается как в увеличении рисков возникновения коллизий и лагун законодательства, так и в законодательном дисбалансе. Предметом таких ошибок могут быть ошибочность механизма регулирования, фактологические и терминологические ошибки, лагуны, стиль, коллизии нормативно-правовых актов разных уровней и отраслей права [ср. 5].

Данные ошибки могут быть следствиями как субъективных, так и объективных причин, каждая из которых требует собственных предупредительных мер. К первым можно отнести уже упомянутый непрофессионализм, или недостаточную квалификацию правотворческого субъекта. Соглашаясь в целом с А.В. Азархиным, что «лица, принимающие и «создающие» закон, должны иметь высшее юридическое образование для того, чтобы как раз-таки исключить возможные коллизии, ошибки и неоднозначность понимания того или иного принятого закона или отдельно

взятой нормы» [1], отмечу, что полученное профильное образование хотя и снижает риски, однако подвергается регламентации всё тех же законодателей, которые, будучи несовершенно, вполне могут допускать получение некачественного образования. Соответственно, повышение качества юридического образования находится в уже в сфере правоприменительной, в рамках которой необходимо совершенствовать деятельность федеральных органов исполнительной власти, ответственных за отраслевую контрольно-надзорную деятельность.

Еще одним субъективным фактором риска является сокращение сроков принятия соответствующего акта, как следствие не позволяющее провести адекватную подготовку и экспертизу перед утверждением. Как противодействия подобному явлению необходимо закрепить адекватные нормы проектировки, проведения экспертиз, рассмотрения акта той или иной категории законодателем, исходя из соблюдения баланса между необходимостью скорейшего вступления соответствующего акта в силу и снижения рисков ошибок.

Среди объективных причин также можно выделить две. Во-первых, это «динамичность изменения регулируемых общественных отношений, в результате чего принимаемый нормативно-правовой акт еще на стадии принятия может стать неактуальным» [1]. Во-вторых, - «неоцененность существующей обстановки или ее изменения в будущем, поскольку отсутствует возможность реального прогнозирования или предвидения преобразований, которые предстоят обществу» [1].

В связи с невозможностью повлиять на процессы, лежащие в основе объективных причин ошибок, основным способом противодействия им представляется последовательное соблюдение технико-юридических правил. Например, ряд правил выделяется С.А. Белоусовым [3].

Помимо отмеченных в литературе принципов, можно выделить и другие способы противодействия правотворческим ошибкам. Например, не углубляясь

в положения структурализма или логического позитивизма, тем не менее, нельзя не отметить проблему языка при составлении нормативно-правовых актов. Не вдаваясь в дискуссии современных философских о несовершенстве языка, построений метаязыка в эпоху модерна, соотношения языка и сознания и прочих лингвофилософских дискуссий, скажем о владении базовыми принципами функционирования языка, на котором формулируется та или иная правовая норма. Безусловно, уровень владения языком характеризует не только общекультурный уровень юриста, но и профессиональную компетентность субъекта правотворчества, если юрист выступает в качестве такового. Так, несоответствие формулировок правотворческого акта нормам языка уже само по себе приводит зачастую к правотворческим ошибкам, из-за которых становится невозможным однозначно истолковать суть постулируемой нормы. Одним из хрестоматийных и довольно грубых несоответствий подобного вида правотворческой ошибки является указание п. 8 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ о том, что работник, выполняющий воспитательные функции, может быть уволен за совершение «аморального проступка», несовместимого с продолжением данной работы. Тем не менее, лексические нормы русского языка не подразумевают возможности такого словосочетания, так как аморальным по общему правилу может быть поступок, а понятие «проступок», несущее на себе негативную коннотацию, не требует дополнительной оценки – проступок априори является преступлением морального правила. Безусловно, правоприменительная практика адаптировалась к данному случаю, однако более тонкие примеры говорят об актуальности предупреждения лексических, семантических и грамматических ошибок в формулировках норм права.

Проведенное исследование подтверждает актуальность проблемы истинности правовых норм, выработки способов увеличения эффективности норм права. Особое внимание удалось уделить способам предотвращения и исправления правотворческих ошибок, как факторов, способствующих повышению эффективности правовых норм. Таким образом, можно

констатировать, что в рамках исследования удалось достичь заявленной цели по комплексной характеристике понятия «истинность правовой нормы».

Кроме теоретического, представленное статья предлагает ряд практических результатов. Так, в качестве основного результата можно предложить систематизацию видов ошибок, их причин и происходящих отсюда способов их предупреждения:

А) субъективные: повышение уровня профессионализма среди законодателей, улучшение качества юридического образования, соблюдение адекватных сроков каждого этапа разработки нормативно-правового акта в зависимости от его категории;

Б) объективные: последовательное применение ряда правил юридической техники.

Указанные результаты способствуют повышению профессиональной компетентности юриста, задают векторы дальнейших исследований по развитию эффективности правовых норм.

Список литературы:

1. Азархин А.В. Правотворческие ошибки как источник возникновения или усиления рисков // Вестник ВУиТ. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravotvorcheskie-oshibki-kak-istochnik-vozniknoveniya-ili-usileniya-riskov> (дата обращения: 22.05.2023).

2. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. — 400 с.

3. Белоусов С. А. Правотворческие ошибки и законодательный дисбаланс: технико-юридические способы предотвращения // Вестник СГЮА. 2014. №5 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravotvorcheskie-oshibki-i-zakonodatelnyy-disbalans-tehniko-yuridicheskie-sposoby-predotvrascheniya> (дата обращения: 22.05.2023).

4. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. — 264 с.
5. Вопленко Н.Н. Понятие и признаки правотворческой ошибки // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2010. № 1. С. 16-22.
6. Ельцова К. С. Соотношение и взаимосвязь системы права и системы законодательства // Наука и образование сегодня. 2019. №3 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-i-vzaimosvyaz-sistemy-prava-i-sistemy-zakonodatelstva> (дата обращения: 22.05.2023).
7. Иеринг Р. Юридическая техника / сост. А. В. Поляков. М., 2008. - 231 с.
8. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. 2004. URL: <https://jurisprudence.club/teoriya-gosudarstva-prava-uchebnik/sootnoshenie-normy-prava-stati-normativnogo.html> (дата обращения: 22.05.2023).
9. Мешкова О.Е. Соотношение системы права и системы законодательства // Вестник Омского университета, 1998, Вып. 1. С. 88-90. URL: <https://omsu.ru/vestnik/articles/y1998-i1/a088/article.html> (дата обращения: 22.05.2023).
10. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко М. : Проспект, 1999. С. 458.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023). Консультант Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 01.06.2023).
12. Соловьева И. А. О возможности применения понятий «Истинный» и «Ложный» при исследовании норм права // Юридическая наука. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-primeneniya-ponyatiy-istinnyu-i-lozhnyu-pri-issledovanii-norm-prava> (дата обращения: 22.05.2023).
13. Сырых В.М. Истинность и правильность как критерии теоретической эффективности норм права // Эффективность закона (методология и конкретные исследования). М., 1997.

14. Тихонова В. В. Проблема истинности норм права: основные теоретические подходы / В. В. Тихонова // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / Под редакцией М.М. Журавлёва, А.М. Барнашова, С. С. Кузнецова. Том Часть 53. – Томск : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2012. – С. 69-71. – EDN STSZKJ.

15. Черданцев А.Ф. Специфика правового отражения // Правоведение. 1973. № 2. С. 100 – 108.

16. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва Проспект, 2021. — 648 с.